

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND CLASH OF CULTURES

I. Rytova

Summary. the article is devoted to the phenomenon of collision of cultures of different peoples, manifested in a variety of areas of human activity. These are food, clothing, music, architecture, gestures, as well as traditions, customs, worldview, morality, etc., that is, everything that finds its realization in the language and leads us to understand the differences of cultures that carry a different worldview and attitude. These differences are adequately perceived only when there is a knowledge of the realities of the worldview of a particular linguistic community. Therefore, the clash of cultures is nothing more than the result of the discrepancy between the world pictures inherent in different linguistic communities.

Keywords: linguistic picture of the world, clash of cultures, linguistic community, cultural picture of the world, diversity of languages.

Рытова Инна Григорьевна

К.филол.н., доцент, Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
inna.rytova@mail.ru

Аннотация. статья посвящена явлению столкновения культур разных народов, проявляющегося в самых разных областях деятельности человека. Это — еда, одежда, музыка, архитектура, жесты, а также традиции, обычаи, мировоззрение, мораль и т.д., то есть все то, что находит свою реализацию в языке и приводит нас к пониманию различия культур, несущих в себе отличающееся мировоззрение и мироощущение. Эти различия адекватно воспринимаются лишь тогда, когда есть знание реалий составляющих картину мира той или иной языковой общности. Поэтому столкновение культур есть не что иное, как результат несовпадения картин мира, присущих разным языковым сообществам.

Ключевые слова: языковая картина мира, столкновение культур, языковая общность, культурная картина мира, многообразие языков.

В настоящее время в результате многочисленных потрясений глобального масштаба в мире происходит активная миграция населения, его расселение и смешение. Возникают новые формы, виды и возможности человеческого общения. Отсюда неизбежность столкновения культур. Такого рода столкновение чревато не только комическими и курьезными случаями, но и драматическими и даже трагическими последствиями.

Возьмем хотя бы нашу традицию достаточно часто и, возможно, много чаще, чем на западе, дарить подарки, цветы, приглашать к себе домой, угощать. Это воспринимается не как проявление душевной щедрости, но как некая непонятная эксцентричность или демонстрация очень высокого уровня материального достатка. Очень часто это просто-напросто удивляет иностранцев. И вместе с тем они отнюдь никогда не отказываются воспользоваться всем, что им предлагают. Непонятно иностранцам также желание русских во время застолья положить как можно больше в их тарелку, несмотря на то, что они отказываются и говорят, что им достаточно. Они не знают и не понимают, что это проявление русской щедрости и гостеприимства. Русским, в свою очередь, непонятно, почему, приходя в гости, иностранец может принести крохотный кусочек мыла в элегантной коробке, перевязанной цветной лентой с большим бантом и чувствовать себя весьма удовлетворенным и гордым по этому поводу.

В Англии и Соединенных Штатах были случаи, когда ловили на списывании русских студентов и наказыва-

ли за это не только русских, но и американских студентов. Последних за то, что не донесли вовремя об этом [12, с. 22–27].

Считается, что необходимо извиниться, когда кому-то тем или иным образом наносится ущерб. А в судебной практике нередки случаи облегчения приговора, если обвиняемый приносит извинения, раскаивается и сожалеет о том, что сделал. В японской культуре принято часто извиняться. Ученые говорят о «магической силе извинения» в Японии и о том, что у японцев «искреннее прощение ведет к примирению».

Например, американцу, допустившему незначительную оплошность при прохождении проверки, был сделан выговор официальным лицом из иммиграционного бюро. И он отчаянно пытался объяснить, что он не виноват. Но служащий не реагировал на эти объяснения. И только тогда, когда американец, исчерпав все возможности, сказал «I am sorry», служащий улыбнулся и дело было быстро улажено [1, с. 127, 129]. Разгадка данного случая заключается в том, что в японском обществе не принято говорить «я не виноват, я не сделал ничего плохого». Но, если кому-то плохо от того, что вы что-то сделали, хотя вашей вины в этом может и не быть, лучшее, что вы могли бы сделать в данной ситуации, — это извиниться. Для европейца непостижимо, когда после того, как кто-то сделал тебе что-то хорошее, человек выражает свое глубокое сожаление. В Японии гости, приглашенные на ужин, уходят не со словами «спасибо

за прекрасный вечер», но извиняясь и сожалея о том, сколько хлопот они вам доставили [1, с. 133].

Примеры столкновения культур можно приводить до бесконечности. Но что же делать? Как максимально уменьшить потери от данного феномена? Выход в данном случае ученые видят в таких образовательных предметах, как лингвострановедение, социолингвистика, раскрывающие связь единиц языка и языковых явлений с социальными факторами, как-то: традициями, обычаями, особенностями общественной и культурной жизни языкового коллектива. Такой предмет, как «мир изучаемого языка», преподавание которого ведется на факультете иностранных языков МГУ, имеет в своей основе помимо всего прочего исследование языковой картины мира носителей языка [12, с. 36,37], поскольку именно она определяет особенности формирования языка и речеупотребления.

Вильгельм фон Гумбольдт писал, что различие языков «есть не различие звучаний и знаков, но различие самих картин мира» [14, с. 173], причем каждая из них, по его мнению, всегда национально-субъективна. Гумбольдт отнюдь не воспринимает язык как отвлеченную знаковую систему, но всегда подчеркивает, что язык является ничем иным, как отражением картины мира языкового коллектива, и богатство картины мира зависит от словарного состава [13, с. 192]. Гумбольдт полагает, что многообразие языков есть бесценный дар, который дает возможность человечеству не только «мысленно охватить мир во всей его полноте и со всем его разнообразием», но и создать основу для его собственного духовного развития [18, с. 222]. Продолжая его мысль Л. Вайсгербер отмечает, что «многообразие языков является величайшей философской проблемой», поскольку решение ее ведет к новым открытиям в области теории познания, философии, истории, логики, онтологии и этики [18, с. 293].

Картина мира носителей языка раскрывает многие смысловые нюансы исторического, политического и культурного характера в языке и речи. Эти нюансы адекватно воспринимаются тогда, когда есть знание реалий составляющих картину мира той или иной языковой общности [12, с. 39].

Человек живет в рамках своей культуры и нередко ему представляется, что его образ жизни, его менталитет — единственно возможный в этом мире. «Всякий язык,— пишет В. Лютер в своей книге «Картина мира и духовная жизнь», предлагает...уже имеющееся понимание мира, от власти которого человек не может освободиться, как от своей кожи» [17, с. 180]. Мы не найдем человека, независимого от языка, или существующего вне языка.

Т.В. Ларина отмечает, что своеобразие культуры открывается в самых разных областях деятельности человека. Она выделяет глубинный и поверхностный уровни культуры, которые находятся в тесной взаимосвязи. Уровень поверхностный представляет собой все, что мы можем воспринимать с помощью органов чувств (еда, одежда, музыка, архитектура, жесты и т.д.) Уровень глубинный — то, что нельзя увидеть, но что — не менее важно, поскольку лежит в основе тех самых, заметных внешних проявлений. К глубинным элементам культуры относятся традиции, обычаи, мировоззрение, мораль и т.д., то есть все то, что нельзя воспринять органами чувств [7, с. 38].

Тем не менее наступает момент, когда мы вдруг сталкиваемся с другой, чужой для нас культурой. И тогда мы начинаем понимать, что есть различия в мировоззрении и мироощущении других культур. И уже такого рода конфликт может быть чреват определенной опасностью, поскольку неправильное поведение, реакция на события могут привести к куда более болезненным переживаниям, чем просто языковые ошибки, которые, как правило, легко прощаются.

Люди, не знающие иностранных языков, обычно не замечают ни столкновения культур, ни конфликта языков, который наиболее очевидно проявляется в лексике, то есть в том, что лежит как бы на поверхности, однако требует глубокого понимания не только его значения, но и того, что стоит за этим словом [12, с. 42]. Многие ученые склонны считать, что наиболее эффективное усвоение и понимание иностранного языка может происходить только на основе сопоставления с родным языком, когда наиболее явственно выступают и различия языков и культур. «Сравнительное изучение языков важно и существенно для постижения всей совокупности духовной деятельности человечества», пишет Гумбольдт [4, с. 377]. Если же ограничить себя знанием лишь одного языка, то слова разных языков могут показаться абсолютно эквивалентными. Сопоставление дает возможность увидеть особенности мироощущений, заключенных в каждом языке, и пути формирования языковой картины мира [10, с. 65–66]. «Множественность языков»,— утверждает Вайсгербер,— «дает как обогащение посредством множественности способов воззрения, так и защиту от переоценки какого-то частичного познания как единственно возможного» [18, с. 292; 12, с. 43].

Мир, окружающий человека, предстает в трех формах:

1) реальная картина мира или объективный окружающий человека мир;

2) культурная (понятийная или концептуальная) картина мира — отражение реальной картины с помощью

понятий и представлений человека, сформированных на основе исторического развития, географического положения, климата, природных условий, традиций, верований, образа жизни и т.п. [12, с. 47]; исходя из того, что «...культура — продукт совместной жизнедеятельности людей, система согласованных способов их коллективного существования». Это язык коммуникации, правила общежития, социальные устои, нормативный этикет — все, что вырабатывается обществом в процессе его жизнедеятельности и передается из поколения в поколение [7, с. 37];

3) языковая картина мира — часть культурной (концептуальной) картины.

Безусловно, национальная культурная картина мира шире, богаче и глубже языковой. Тем не менее именно в языке происходит ее реализация. Именно язык сохраняет и передает ее новым поколениям [12, с. 55]. Каждый язык отражает национальную специфику и не только своеобразие природных условий, культуры, но и особенности национального характера конкретной языковой общности [2, с. 21]. В свое время Лейбниц Г.В. отмечал, что язык является отражением порядка мира в именах вещей, описывая мир своеобразным, только ему присущим и часто уникальным образом, так что «вся история языка», по его мнению, «есть история созидания мира в языке, с которым связаны мироощущение, интеллектуальное развитие, культура и все судьбы народа». Согласно Лейбницу, из понимания языка как духа народа и вытекает понимание каждого языка как особой картины мира. [8, с. 137–138, 278; 9, с. 277].

Для Гумбольдта, язык — отражение народного духа, чей характер в «наиболее полном и очищенном виде проявляется прежде всего в живой речи» [4, с. 374]. С.Г. Терминасова сравнивает слово с кусочком мозаики, при сложении которых каждый язык получает свою картину, отличающуюся от всех остальных. Согласно А. Вежбицкой, каждый язык формирует свою «семантическую вселенную» [2, с. 21]. Получается, что язык заставляет человека смотреть на мир каким-то своим определенным образом.

Например, там, где русский человек видит два цвета — синий и голубой, англичанин видит лишь один синий. При этом английское *blue* охватывает более широкий спектр цвета, чем русский *синий* [6, с. 177]. Это — *sky-blue, pale-blue, dark-blue, navy-blue*. Где русский видит лишь один предмет — рука, англичанин видит два — *hand* и *arm*.

Разумеется, каждый язык способен отразить действительность, и, если надо сказать *голубой* по-английски, то мы скажем *sky-blue* или *pale-blue* [9, с. 56]. Если нам

потребуется назвать по-русски слово *hand*, то помимо слова *рука* мы можем использовать и слово *ладонь*.

Любопытно, что цвета спектра ассоциируются у разных народов с разными предметами. Например, желтый цвет у русских связан с образом осеннего листа или одуванчика, у украинцев — с подсолнухом, у французов — с золотом или яичным желтком, у американцев — с маслом. Белый цвет у русских ассоциируется со снегом, а у узбеков — с хлопком, у казахов и киргизов — с молоком.

Говоря о положительных и отрицательных коннотациях, мы должны отметить, что белый цвет у большинства народов связан с представлением о чистоте, невинности, свадьбе и наряду с этим больнице и смерти. Желтый цвет традиционно у русских, немцев, французов и поляков символизирует измену, разлуку, фальшь; у американцев и англичан — трусость, у белорусов, украинцев — болезнь и смерть [5, с. 41–43]. В Индии желтый цвет — это цвет счастья, гармонии, силы разума.

Лексический эквивалент русского слова *утро* — английское *morning*. Однако в отличие от русского составляет двенадцать часов. Начинается в двенадцать ночи и заканчивается в полдень. А английский *вечер/evening* начинается с пяти-шести часов и заканчивается к восьми часам русского вечера. И с восьми вечера до полуночи длится короткая английская *ночь*. [12, с. 69].

Мы, например, не можем сказать, что этот бык — дедушка какого-то теленка, а те голуби — двоюродные братья, так как языки подчиняются определенным традициям. Но есть страны, где людей не так интересует собственная родословная, как родословная своих лошадей, и их язык сохраняет не только название каждой лошади, но и различных степеней их родства. Все это говорит о том, утверждает Лейбниц, что «всякий народ в связи со своими нравами и обычаями образует свойственные лишь ему сочетания идей» Необходимо только увидеть угол зрения, продолжает свою мысль ученый, под которым рассматривали предмет в момент его именованья, поскольку именно угол зрения и создает своеобразие языка как свидетельство образа мысли народа [9, с. 249, 215; 10, с. 65–66].

Таким образом, изучая иностранный язык, мы осваиваем новый мир. И, естественно, что одновременно с этим происходит перестройка мышления, что не каждому дается легко. И, как мы понимаем, в разных языках слова обладают разной семантической емкостью, то есть охватывают различные кусочки реальности. Мы изучаем иностранный язык и проникаем в культуру общности, говорящей на этом языке. В свою очередь, эта новая культура оказывает воздействие на нас. В результате

на первичную картину родного языка накладывается картина мира изучаемого языка. Ученые полагают, что в рамках одного языкового сознания рождаются мысли и даже чувства, которые не могли бы быть реализованы в рамках другого языкового сознания, то есть понятия, присутствующие в одной картине мира и отсутствующие в другой [2, с. 21]. И под влиянием вторичной картины мира изучаемого языка меняется характер мышления и сама личность человека, являющаяся продуктом языка и культуры, приобретает новые оттенки и грани. Недаром многие утверждают, что русские преподаватели иностранного языка приобретают черты той национальной культуры, чей язык они преподают [12, с. 58].

В итоге мы приходим к выводу о том, что язык — это отражение окружающего нас мира, в котором отражается наш образ жизни, поведение, наши отношения с другими людьми, наши ценности и наша культура. Язык необходим человеку для организации и устройства его жизни. Родной язык незаметно для человека самого участвует в его жизни и формировании его личности [18, с. 51–53,61].

Язык вмещает в себе как внешний, так и внутренний мир человека. С точки зрения Гумбольдта, разные языки — «не различные обозначения одной и той же вещи, но различные видения ее... Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [4, с. 349]. По этой аналогии, отмечает Лейбниц, народ как творец своего языка видит разные стороны мира присущим ему образом. Соответственно этому, именами в разных языках выражаются одни и те же явления мира, однако эти имена обладают своим своеобразием и не обязательно сходны, «подобно тому, как несколько зрителей думают, что видят одну и ту же вещь, и действительно вполне понимают друг друга, хотя каждый видит и судит со своей точки зрения» [8, с. 137–138].

Язык — фактор, формирующий личность. И с момента нашего рождения он передает далеко не объективно-беспристрастную картину мира, систему ценностей, знаний о людях, их образе жизни и культуре той языковой общности, в которой нам довелось родиться и жить. «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем..., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей» [3, с. 25].

Язык — это средство коммуникации, позволяющее нам общаться с людьми не только внутри одного и того же языкового коллектива, но с его помощью мы можем перешагнуть границы одной картины мира, постигая другие миры и обогащая свой опыт и знания о мире в целом [12, с. 348]. Вайсгербер приходит к выводу о том, что «ядро различности языков состоит в различии языковых картин мира». Продолжая эту мысль, он

подчеркивает, что тот, кто изучает языки не только как средство общения, но и как новые картины мира, понимает невероятную трудность этой задачи [18, с. 286,70].

В каждой национальной культуре можно выделить особые черты, которые играют важную роль в формировании национального характера и национального менталитета [6, с. 184]. Если взять две характерные национальные черты, такие как американское самовозвышение и японское самоуничижение, то в первом ярко выражено желание гордиться своими успехами и винить других в неудачах, призывая остальных действовать так же. Напротив, в азиатских культурах вместо возвышения мы наблюдаем самоуничижение, свидетельствующее о скромности отдельной личности и воспринимающееся как форма адаптации к культурной среде и социальным нормам. Японцы обычно объясняют это так: как только кто-то скажет вам, что ты сделал что-то хорошее, хорошо возразить ему, сказав, что я не могу думать, что случилось что-то хорошее потому, что я сделал это.

В семье американского студента Боба в течении шести месяцев жил японский студент Томио. Это был прекрасный студент и идеальный гость. Он ладил со всеми членами семьи, помогал по хозяйству и отлично учился. Как-то его отец, находясь в деловой командировке в США, заехал к ним в гости. Он поблагодарил родителей Боба за заботу об их сыне «невоспитанном, эгоистичном, не умеющим ничего делать самостоятельно». Когда родители Боба с этим не согласились, он стал еще больше извиняться за своего «глупого, ужасного сына». В этот момент его сын слушал отца и улыбался, а Боб и его родители не могли понять, что происходит. На самом деле сам отец Томио не верил в то, что говорил. Японцы часто, демонстрируя свое уважение к другим людям, стараются унижить себя и могут пренебрежительно отозваться и даже опорочить и себя и членов своей семьи.

В свою очередь, когда японская семья принимала у себя в Токио американского студента Майка, они постоянно хвалили его и делали ему комплименты по поводу того, какой он хороший, и как хорошо он говорит по-японски. Майк на это неизменно отвечал «большое спасибо», пока один из его друзей не сказал ему не делать этого столь часто. То, что японцы отказываются принимать комплименты, доказывает и реакция многих японских студентов на похвалу преподавателей английского языка, для которых какое-то время это было загадкой [1, с. 135,139,141].

В сопоставлении этих двух культур интересен фактор выражения или невыражения желаний. Если англо-американская культура заявляет, что, если я хочу сделать для кого-то что-то хорошее, то я сначала узнаю, что он хочет, то в японской культуре не принято спрашивать,

что ты хочешь. Более того, не принято говорить о том, что хочу я сам. Напротив, англо-американская культура предполагает прямое и недвусмысленное выражение собственных желаний.

Показателен следующий пример: американка, работник японской фирмы, внесла предложение по улучшению условий работы. Обсуждая это предложение с начальником, она понимает, что он уклоняется от прямого ответа и пытается уйти от главной темы. На ее в конечном итоге прямой вопрос, принимает ли он ее предложение, он ответил: «Я подумаю об этом». Позднее она узнала, что план ее принят не был. Однако она недоумевала, почему он сразу, прямо не сказал ей об этом. А все дело было в том, что многие японцы избегают отрицательного категоричного «нет» в ответ на просьбы, приглашения, предложения. По их мнению, категоричное «нет» — слишком грубый и обидный ответ. Они находят для себя возможность отказывать косвенным образом и рассчитывают, что их поведение будет воспринято адекватно [1, с. 145].

Х. Ямасита, японский лингвист, сравнивает позицию японца и европейца в следующей ситуации: если ранней весной очень легко одетый японец скажет: «Как сегодня холодно», то другой японец, одетый по погоде, и которому даже жарко на солнце, скажет: «Да, действительно прохладно, хотя и говорят, что весна пришла». Он понимает, что чувствует, этот легко одетый человек, сочувствует ему и выражает это в своем ответе. Однако, если бы на его месте был европейец, он непременно стал бы доказывать, что на улице тепло и даже жарко. И это высказывание наверняка, по мнению автора, разрушило бы всю гармонию общения между людьми [11, с. 91–92].

Интересно отражение запретов в англоязычной и немецкой культуре. Путешествуя по Германии, человек другой культуры постоянно сталкивается с объявлениями, где что-то запрещается. И это, прежде всего, слово *verboten*, очень четкое, ясное и категоричное: *Zutritt verboten!* (Проход запрещен), *Rauchen verboten!* (Курение запрещено!), *Durchgang verboten!* (Проезд запрещен!), *Reklame verboten!* Это несколько удивляет представителей англо-язычной культуры, которые видят в этом проявление своего рода «авторитарности» [1, с. 169, 171].

Здесь уместно отметить, что в немецком обществе подчинение воле другого лица никогда не рассматривалась как ограничение личных свобод или ущемление достоинства человека, но как необходимое условие для гармоничного функционирования общества [17, с. 185]. Широкое использование слова *verboten* связано с ценностью «общественной дисциплины, порядка», разумного жизнеустройства, уважения законной власти [1, с. 211–212].

В английском языке есть слово *prohibited* (запрещено), однако оно используется гораздо реже и подразумевает предписание официальной власти, а не частного порядка. Чаще всего слово *prohibited* используется в объявлениях, предупреждающих о реальной опасности. Например: *Lift. Motor Room. Danger. Entry of unauthorized persons prohibited.* (Машинное отделение лифта. Опасно для жизни. Посторонним вход воспрещен.); или *Ads making misleading or deceptive claims are prohibited.* (Реклама, имеющая своей целью ввести в заблуждение или обмануть покупателя, запрещена.) [1, с. 171]

Чаще всего в англоязычных странах мы видим объявления типа *no parking* (нет парковки), *no smoking* (не курить), *no leaving ads* (бросать рекламу запрещено), *no junk mail* (бросать в ящик посторонние бумаги запрещено). Следует подчеркнуть, что эта конструкция содержит скорее правило, чем запрещение. Таким образом, людям сообщается о существующих правилах в данном месте, а не указание что им делать или не делать, что еще раз подчеркивает ценность «личной автономии» в этих странах [1, с. 172–175].

Как правило, любая «национальная логика» не совпадает с «логикой» другого языка или естественнонаучной «логикой», и что любопытно, зачастую противоречит самой себе [6, с. 207].

Для понимания мотивации той или иной нагруженности лексических единиц достаточно обращения к реалиям историко-культурного характера, области религии и древней философии. Любое коннотативное значение единицы национального языка можно считать неотъемлемой принадлежностью национальной культуры, исторически сложившейся и передающейся от поколения к поколению [6, с. 241]. В этой связи, Вайсгербер особенно выделяет роль и значение языка как собрания многовекового народного опыта, «опыта, стоящего за каждым словом», накопленного многими поколениями и отраженного в языковой картине мира. Он предлагает считать человека «определяемого языком, сформированного языком и владеющего языком». С его точки зрения, человек, владеющий языком, — творец, формирующий картину мира [18, с. 63–65].

Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам:

1. Столкновение культур — результат несовпадения картин мира, присущих многочисленным языковым сообществам;
2. Картина мира той или иной языковой общности — субъективна и несет в себе ее многовековой опыт, традиции и культуру;

3. Язык и картина мира, носителем которой он является, воздействуют на человека, формируют его личность, оказывают влияние на характер его мышления и поведения;

4. Каждый индивидуум на протяжении долгого исторического развития языкового сообщества вносит свой вклад и является творцом своего языка и, следовательно, языковой картины мира;

5. Наиболее успешным является сопоставительный подход к изучению иностранного языка, когда наиболее

четко и ясно проступают различия картин мира родного и изучаемого языка;

6. Все исследования ученых, жизненный опыт, практика общения людей, говорящих на разных языках, подталкивают необходимость включения в учебные программы предметов, раскрывающих многие особенности мировоззрения и мироощущения разных языковых сообществ;

7. Изучение многих иностранных языков ведет к более широкому, глубокому и объективному восприятию и пониманию мирового языкового сообщества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики, М., Языки славянской культуры, 2001, 272с.
2. Вежицкая А. Язык, Культура, Познание., М. «Русские словари», 1996, 416с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура, М., Русский язык, 1990, 246с.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры, М., Прогресс, 1985, 452с.
5. Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов. // Этнопсихоллингвистика, М., Академия Наук СССР, Наука, 1988, 34–48с.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов, М., МАЛП, 1999, 341с.
7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации, М., Рукописные памятники древней Руси, 2009, 315с.
8. Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. Т. 1 — Москва: Мысль, 1982,
9. Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. Т. 2 — Москва: Мысль, 1983,
10. Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. Т. 3 — Москва: Мысль, 1984,
11. Неверов С. В. Позиция слушающего и говорящего в речевой деятельности японцев. // Этнопсихоллингвистика, М., Академия Наук СССР, Наука, 1988, 91–97с.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация, М., МГУ, 2004, 350с.
13. Humboldt W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus, 1826 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
14. Humboldt W. von. Ueber das vergleichende Sprachstudium in beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung, 1820 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
15. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues, 1829 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
16. Luther W. Weltansicht und Geistesleben. 1954 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
17. Nuss Bernard 1993. Das Faust Syndrom: Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen, Bonn: Bouvier. // По кн. Вежицкой А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики, М., Языки славянской культуры, 2001, 272с.
18. Weisgerber L. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft, 1964 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира Л. Вайсгербера в статическом и энергетическом описании», М., ВШЭ, 2013, 326с.

© Рытова Инна Григорьевна (inna.rytova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»